

Миддендорф Александр Федорович

**Путешествие на север и восток
Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
А46

А46 **Александр Федорович М.**
Путешествие на север и восток Сибири / Миддендорф Александр Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 232 с.

ISBN 978-5-519-96410-4

ISBN 978-5-519-96410-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

моимъ путешествіемъ, см. I ч. стр. 113 до 122 и стр. 175 (Русск. изд.).

II. Шантарскій островъ Эгэ или Мутыхангда, у Козьмина — Утичій.

Ср. ч. I, стр. 108, 109 (Р. изд.).

III. Профиль острова Нихзикана.

Раздвоенный къ краю каменный островъ, лежащій между Эгэ и Большимъ Шантаромъ, покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ и окруженъ кекурами.

IV. Морской берегъ между заливомъ Академіи и устьемъ Амура, по начертанію Гиляковъ (въ 1844).

V. Маршрутъ моего пути отъ Тугура до начала Амура.

Разорванная на три части для сбереженія мѣста, нить моего маршрута по южному склону Становаго Водораздѣла служить къ объясненію слѣдующаго, послѣдняго листа, потому что по этой линіи, худо ли хорошо ли, какъ было можно, на XVIII листѣ занесены на свои мѣста всѣ показанія Якутъ и Тунгусовъ.

Сказанное въ I ч. I Отд., начиная съ стр. 175 (Р. изд.) служить текстомъ для этого маршрута.

Листъ XVIII. Притоки Амура, вытекающіе изъ Становаго Водораздѣла.

Ремезова, Чертежъ всѣхъ Сибирскихъ градовъ и земель. Такъ какъ чертежъ этотъ издается съ картографическою цѣлію, то здѣсь не сочтено за нужное передать съ библиографическою точностію самый почеркъ подписей, за исключеніемъ лишь заглавія Чертежа. Значеніе этого листа разсматривается съ 34-й до 39 стр. I Отд. I Ч.

Въ этомъ мѣстѣ я общаю отрывокъ изъ моей карты, составленной 11 лѣтъ тому назадъ и потому уничтоженной, какъ объяснено въ I ч. на стр. 318.

Чертежъ хребтовъ еще очень произволенъ, хотя и то надо сказать, что здѣсь въ первый разъ занесены на карту горныя вѣтви, идущія по южному берегу Охотскаго моря, и особенно продолженіе Бурейнскаго хребта, равно и горная обстановка рѣчной долины Уди, и все это уже давно перешло на карты Киперта.

При начертаніи этой карты я старался у Тунгусовъ и Якутъ, странствующихъ для своихъ промысловъ по Становому Водораздѣлу и Бурейнскому хребту попеременно, выспрашивать имена и приблизительное положеніе горныхъ ручьевъ и истоковъ рѣкъ, чтобы чрезъ то добиться правильныхъ понятій о перевалахъ, которыми они пользуются, равно и областяхъ ихъ промысловъ и далекихъ странствованій, которыя до моего времени были совершенно неизвѣстны и безъ чертежа непонятны.

Ср. ч. I, Отд. I, стр. 175 и слѣд. (Р. изд.).

ВВЕДЕНІЕ.

No one can tell how dear the memory of that wild Bush life becomes to him, who has tried it with a fitting spirit. How often it haunts him in the commonplace of more civilised scenes. Its dangers, its risks, its sense of animal health, its bursts of adventure..... We are here among the vast and noble scenes of Nature, we are there among the pitiful shifts of policy; we walk here in the light and open ways of divine bounty, we grope there in the dark and confused labyrinth of human malice.

Bulwer.

Въ Мартѣ 1845 года возвратился я въ С. Петербургъ изъ моего Сибирскаго путешествія. Почти тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и только теперь, въ предлагаемомъ послѣднемъ томѣ всего сочиненія, съ большею подробностью является въ свѣтъ содержаніе дневниковъ, веденныхъ мною въ продолженіе моихъ странствованій. Уже не разъ, и по разнымъ поводамъ, доводилось мнѣ выслушивать увѣщанія за мою медленность, какъ со стороны любителей землѣвѣдѣнія, такъ и со стороны членовъ правительства, которымъ ввѣрены заботы объ отдаленномъ востокѣ нашего отечества.

Я же, съ своей стороны, всего прежде чувствовалъ на себѣ обязанность — обезпечить матеріалъ, пріобрѣтенный для науки; потому что для ученыхъ собственно цѣлей снаряжено было мое путешествіе нашимъ высшимъ ученымъ учрежденіемъ.

И много лѣтъ прошло, пока этотъ матеріалъ пристраивался къ мѣсту въ предыдущихъ трехъ томахъ сочиненія. И въ эти годы нужно было содѣйствіе многихъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, — и я еще разъ пользуюсь случаемъ изъяснить имъ мою почтительную признательность. Цѣлый рядъ полномоченныхъ и уважаемыхъ именъ приводится выставить, чтобы поименно воздать долгъ благодарности всѣмъ тѣмъ, которые своими разнородными трудами, вошедшими въ составъ настоящаго изданія, упрочили для науки пріобрѣтенія моего путешествія. Бэръ, Бётлингъ, Борщовъ, Брандтъ, Гёппертъ, Грубе, Гельмерсенъ, гр. Кейзерлингъ, Ленцъ, Мейеръ, Менетріе, В. Миддендорфъ, Гог. Мюллеръ, Хр. Петерсъ, Рунрехтъ, Траутфеттеръ, Сев. Фишеръ, Эрихсонъ — вотъ имена, которыя я имѣлъ честь совокупить въ предыдущихъ

томахъ изданія подъ общимъ заглавiемъ моего «Путешествiя на сѣверный и восточный край Сибири»¹⁾.

Когда, при такомъ блестящемъ содѣйствii, удовлетворено было требованiе главнаго назначенiя моего путешествiя, тогда — и только тогда я счелъ себя въ правѣ взяться за передачу, для обширнѣйшаго круга любителей землѣвѣдѣнiя, тѣхъ результатовъ, которые естественнымъ образомъ сливаются съ самымъ разсказомъ о путешествiи въ непрерывномъ его продолженiи. Запрещаютъ же всякую попытку на высшiе взгляды, пока со всевозможною основательностью не установлены частности, которыя служатъ для нихъ опорой; такъ и для предлагаемаго здѣсь содержанiя отведено мѣсто въ этомъ послѣднемъ, а не въ первыхъ томахъ сочиненiя. Если же изданiе этого тома въ послѣднiе годы задерживалось разными обстоятельствами моего положенiя, то задержки этой, конечно, никто не могъ переносить съ такимъ нетерпѣнiемъ, какъ я самъ, хотя при всемъ томъ я остаюсь въ твердой увѣренности, что и до сихъ поръ этотъ томъ сохранить въ себѣ столько постоянного интереса, что еще не будетъ признанъ устарѣлымъ.

Но какую форму избрать для изданiя при такихъ обстоятельствахъ? — Всего проще и скорѣе, да и всего обыкновеннѣе было бы — переработать только слогъ веденныхъ на мѣстѣ дневниковъ, и въ этомъ видѣ пустить ихъ въ свѣтъ немедленно, пока событiя имѣли всю прелесть свѣжей новости. Обработка этого рода, при поразительной свѣжести красокъ въ изображенiяхъ, составляетъ нынѣ любимую форму путешествiй, и передовые дѣятели землѣвѣдѣнiя во многихъ отношенiяхъ отдаютъ ей предпочтенiе. Но она имѣетъ также свои существенные недостатки, и мнѣ кажется, что ихъ неизбежно влекутъ за

¹⁾ Кратко здѣсь привести подлинныя заглавiя всего шестидесяти изданiй.

Общее заглавiе сочиненiя, повторяемое во всѣхъ четырехъ томахъ:

Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben. 4 Bände in-4°.

Частныя заглавiя каждого тома:

Band. I. Theil 1. Einleitung. Meteorologische, geothermische, magnetische und geognostische Beobachtungen. Fossile Hölzer, Mollusken und Fische. Bearbeitet von K. E. von Baer, H. R. Göppert, Gr. von Helmersen, Al. Graf Keyserling, E. Leitz, A. Th. v. Middendorff, W. v. Middendorff, Johannes Müller, Chr. Peters. (Mit 13 lithogr. Tafeln.) 1848. LV1 et 274 pag.

Theil 2. Botanik. (Erste Lieferung): Phaenogame Pflanzen aus dem Hochnorden. Bearbeitet von E. R. v. Trautvetter. Mit 8 lithographirten Tafeln (1847). 190 pag. — (Zweite Lieferung): Tange des Ochotskischen Meeres. Bearbeitet von F. J. Ruprecht. Mit 18 chromo-lithogr. Tafeln (1851). 436 pag. — (Dritte Lieferung): Phaenogame

Flor Südost-Sibiriens. Bearbeitet von E. R. v. Trautvetter und C. A. Meyer.

Band II. Zoologie. Theil 1. Wirbellose Thiere: Annelaten. Echinodermen. Insecten. Krebse. Mollusken. Parasiten. Bearbeitet von F. Brandt, W. F. Erichson, Seb. Fischer, E. Grube, E. Ménétrières. A. Th. v. Middendorff. (Mit 32 lith. Tafeln) 1851. 316 pag.

Zoologie. Theil 2. Wirbelthiere. (Erste Lieferung): Säugethiere, Vögel und Amphibien. Bearbeitet von A. Th. v. Middendorff. Mit 26 lithogr. Tafeln. 1853. 236 pag. — (Zweite Lieferung): Fische. Bearbeitet von J. F. Brandt (noch nicht erschienen).

Band III. Ueber die Sprache der Jakuten. Von Otto Böhtlingk. Theil 1. Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. 1851. LIV et 397 pag.

Theil 2. Jakutisch-deutsches Wörterbuch. 1851. 184 pag.

Band IV. Nord- und Ost-Sibirien in geographischer, und ethnographischer Beziehung. Bearbeitet von A. v. Middendorff. Mit vielen in den Text eingedruckten Holzschnitten, mit lithographirten Tafeln und Karten. Theil 1. Die Natur. Dieser Theil zerfällt in folgende Abschnitte: Geographie und Hydrographie; Orographie und Geognosie; Klima; Botanik; Zoologie. Theil 2. Der Mensch.

Цѣна 24 р. 60 к. Каждый томъ продается отдѣльно по 6 р. 40 к.

собою тѣ-же самыя обстоятельства, которымъ такія путешествія искони были обязаны своими успѣхами въ большинствѣ публики. Кромѣ внутренняго достоинства такихъ путешествій, любопытство читателя въ нихъ очевиднымъ образомъ привлекается еще положеніемъ живаго человѣка и извѣстною долей необычайности испытываемыхъ имъ приключеній. А не здѣсь ли именно самый опасный подводный камень для правдивости путешественника, рассказывающаго о себѣ самомъ? Не должны ли брать подъ перомъ его слишкомъ большой перевѣсъ заботы объ изображеніи испытаннаго, какъ скоро дѣло идетъ о его страданіяхъ и опасностяхъ? Не вилить ли молодой матросъ настоящую бурю, когда для стараго моряка вѣтеръ только-что свѣжѣетъ? Опасность жизни не значить ли для одного все, а для другаго—ровно ничего, и даже одному лицу та-же самая опасность не кажется ли сегодня чистою гибелью, а завтра едва имъ замѣчается? А кто откажется облечь свое любимое дѣтище, особенно дорогой цѣной пріобрѣтенное, въ самыя яркія, самыя выразительныя формы, когда и безъ того не только позволено, но и требуется обычаемъ одѣвать е.о какъ можно лучше?

Понятно теперь, что отъ путешественника, проникавшаго въ глушь малоизвѣстныхъ дальнихъ странъ съ ихъ чуждыми для насъ состояніями, всего прежде, во что бы то ни стало, должно требовать самой строгой правдивости, такъ сказать, нагой истины. Блескомъ изложенія онъ добровольно долженъ жертвовать пріумноженію запаса всякаго рода дѣльныхъ свѣдѣній; а этотъ грузъ самъ собою подрѣзываетъ крылья литературному творчеству въ изложеніи, точно также, какъ на самомъ пути странствованій онъ замедляетъ быстроту движенія. Все для самаго дѣла и ничего для славы—вотъ условіе истинно-правдиваго разсказа. При всякомъ же участіи необычайныхъ приключеній, и строгость нанострожайшей истины подъ перомъ путешественника подвергается сильному подрѣзанию.

Въ какой мѣрѣ я, хотя и безъ моего содѣйствія, обязанъ былъ интересу необычайности тѣмъ общимъ участіемъ, съ какимъ въ свое время были приняты извѣстія о моемъ путешествіи, эту долю интереса, думаю, уже достаточно я оплатилъ съ своей стороны научною строгостью предыдущихъ трехъ томовъ настоящаго изданія. Это не значитъ впрочемъ, будто я отрекаюсь отъ то.о дерзкаго — до безопасности о жизни дерзка о настроенія души, которое дѣйствительно необходимо для такихъ предпріятій. Напротивъ, я и теперь готовъ сказать, что къ тогдашнему моему настроенію, какъ нельзя лучше, плю блестящее выраженіе мыслителя-поэта:

Nur der verdient die Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.

Но не скрою, съ другой стороны, что нѣмцы, вникая въ дѣло глубже, осповательно замѣчали мнѣ, что все-же это только «поэтическое воззрѣніе, за которымъ скрывается дурная проза». Дѣйствительно, нельзя отрицать, что тамъ, гдѣ потерпѣли мы крушеніе и гдѣ я, подъ 75° сѣв. широты, 18 дней пролежалъ больной, одинъ, безъ всякихъ средствъ для жизни, преданный на жертву холоду и голоду, — тамъ, при лучшей заготовкѣ средствъ

вѣроятно, все сошло бы намъ съ рукъ благополучно. Представимъ однако, будто у насъ вовсе не бывало несчастнаго обычая пускать въ ходъ подобныя предпріятія тотчасъ послѣ того, какъ они, иногда послѣ долгихъ проволочекъ, рѣшены и предписаны, часто не обращая вниманія, сдѣланы ли самонужнѣйшія приготовленія? Допустимъ напротивъ, что для такихъ предпріятій захотѣли бы и могли воспользоваться примѣромъ экспедицій, у насъ же, сто лѣтъ назадъ, превосходно снаряженныхъ для изслѣдованія Ледовитаго моря Сибири, — и пусть за годъ до моего путешествія заготовили бы съѣстныхъ припасовъ, настроили бы судовъ; пусть устроили бы, удесятерили средства, если они недостаточны. Что же? Остановился ли бы я въ своихъ покушеніяхъ проникнуть на сѣверъ все дальше и дальше, когда въ моихъ мысляхъ уже разъ навсегда было рѣшено сдѣлать все возможное, полагаясь иногда на авось и не останавливаясь робкими разсчетами вѣроятностей? Не лежало ли бы предо мной все также еще безпредѣльное пространство и не оставалось ли бы въ немъ довольно затрудненій, чтобы точно также попасть въ тяжкія обстоятельства? — Надобно прибавить, что путешествія въ сѣверныхъ краяхъ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ обстоятельствахъ я считалъ и считаю рѣшительно не такъ опасными, какъ путешествія подъ тропиками¹⁾. Первые, конечно, невыразимо тяжелѣе, но они не такъ убійственны, исключая, разумѣется, опасность для судовъ, слишкомъ глубоко вдающихся въ ледяныя массы. Подъ тропиками никогда нельзя быть безопаснымъ отъ внезапной болѣзни на смерть; но чѣмъ дольше тамъ выдерживаетъ человѣкъ, тѣмъ надежнѣе впредь для него здоровье: а глубокій сѣверъ, напротивъ, повреждаетъ самый внутренній составъ крови, и изъ числа людей, большею частію сильно убывавшаго въ теченіе трехъ зимъ, проведенныхъ тамъ сряду, всегда лишь весьма немногіе могли бы кое-какъ выдержать четвертую²⁾. Жизнь Кена погасла, вскорѣ послѣ его воз-

¹⁾ Это достаточно подтверждается экспедиціями путешественниковъ: Е. Ратту, Луон и М'Cluge.

²⁾ Фактически извѣстно, что изъ 600 слишкомъ человекъ, участвовавшихъ въ арктическихъ экспедиціяхъ Англичанъ въ теченіе 9 лѣтъ, только 7 умерли тотчасъ, подъ вліяніемъ самаго путешествія. Сосредоточивая все вниманіе на возможности долго бороться съ голодною смертію, нѣсколько лѣтъ болѣе или менѣе основательно надѣялись, что Франклинъ еще живъ. Но въ экспедиціяхъ во внутренности Африки и въ южную Азію, конечно, половина путешественниковъ и ихъ свиты гибла отъ смертельныхъ болѣзней.

Правда, счетъ выйдетъ другой, если примемъ въ соображеніе всѣ суда, погибшія среди льдовъ полярныхъ морей, и множество мотиль на Шпицбергенѣ, и если вспомнимъ о Новой Землѣ, гдѣ, начиная съ открывшихъ ее Голландцевъ, гибли цѣлые экипажи кораблей.

Но пора сказать и то, что большая часть этихъ предпріятій оканчивалась гибелью по скудости средствъ, по небрежности, беззнанію и безнечности о жизни. Съ какимъ успѣхомъ можно на глубокомъ сѣверѣ противобѣ-

ствовать цыгѣ діететическими изобрѣтеніями повѣйшаго времени, достаточно показываютъ многочисленныя зимовки въ Американскомъ арктическомъ архипелагѣ. Зимовки на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ несчастны, вѣроятно, потому только, что зима тамъ не довольно холодна. Суровость Сибирской зимы дѣлаетъ климатъ здоровѣе.

Перелестыя описанія путешествій по Сибири, постоянно встрѣчаешь въ пользу ея климата, о которомъ я съ сердечною благодарностью готовъ сказать доброе слово. Уже старшіе путешественники нашей Академіи терпѣли тамъ лишь немногихъ изъ своихъ людей, да и тѣ гибли по неосторожности, отъ ружейнаго выстрѣла, опрокинувшись, и т. д. (Gmel. Reise I. p. 2; Pallas Reise I. p. 176. 196). Только въ болотныхъ равнинахъ южной Сибири страшны лихорадки и цынга Pallas ibid. II. p. 407. 418). Въ горныхъ странахъ существовавшая опасность — въ переправахъ чрезъ горныя рѣки. Биллингсъ потерялъ при такомъ случаѣ дорогихъ людей изъ своей прислуги (Сарычева Путеш. I. 83; II. 129 — Saueg Voyage I. 79); и мнѣ самому едва не пришлось потерпѣть чувствительную потерю.

вращенія, отъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя озарили его имя непомрачимымъ сіяніемъ славы. Да и былъ ли когда хоть одинъ посѣтитель полярныхъ странъ, которому его предпріятіе обошлось бы безъ дурныхъ послѣдствій въ той или въ другой степени, по мѣрѣ продолжительности его пребыванія между вѣчными льдами? >

Но довольно объ этомъ. Пора возвратиться къ главной мысли, съ которой я началъ: сказать коротко и ясно, я желалъ бы наистрожайшимъ образомъ отдѣлить настоящую литературу путешествій отъ беллетристики туристовъ, этихъ любимцевъ новѣйшаго времени. Сочиненіе туриста ставитъ себѣ цѣлю — паучать забавляя, а для этого оно незамѣтно должно переходить въ географическій романъ. На первый планъ здѣсь выступаютъ смышленная постановка событій, искусное изображеніе схваченныхъ на лету наблюденій, смѣлые фресковые очерки состояній посѣщенныхъ странъ и народовъ. Чтобы придать описанію видъ цѣлаго, по всему пространству его тинется благовидною, хотя, собственно, вовсе не цѣльною нитью дѣйствительный ходъ путешествія. Въ своемъ описаніи туристъ то бѣжитъ впередъ смѣлыми прыжками, то вдругъ приостанавливается, находя поживу для любопытства читателей или, въ случаѣ сухости моментовъ, приправляя свой рассказъ интересными положеніями и оборотами, изобрѣтаемыми его юморомъ и остроуміемъ. Такъ ли дѣйствительно было испытано на дѣлѣ, или такъ вышло только въ искусственномъ возсозданіи, читатель не спрашиваетъ, лишь бы изображенія вообще были мѣткі. Но въѣдъ надо имѣть пищенски-бѣдную фантазію, чтобы, не стѣсняя власти ея надъ временемъ и мѣстомъ, не умѣть украсить дѣйствительность, хотябы только посредствомъ группировки наиболѣе необычайныхъ и удивительныхъ случаевъ. И перо туриста, какъ сказано, дѣйствительно, всегда забѣгаетъ въ область этнографическаго и географическаго романа. Романы эти, конечно, могутъ быть годны и полезны для толпы; но успѣхамъ науки они тѣмъ вреднѣе, чѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія писатель и чѣмъ искуснѣе вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прикрываетъ слѣды спаскъ между дѣйствительно испытаннымъ и придуманнымъ его головою.

Топографическая нить постепеннаго движенія день-за-день и шагъ за шагомъ, въ запискахъ ученаго путешественника, конечно, больше, чѣмъ у туриста, имѣетъ значенія для географа; но она не совокупляетъ составныхъ частей внутренняго хода мыслей изслѣдователя, а, напротивъ, разрываетъ другъ отъ друга наблюденія, по существу своему однородныя, дробитъ ихъ и раскидываетъ по всему сочиненію, тогда какъ новыевзгляды въ наукѣ возникаютъ болѣею частію только изъ полномѣрной совокупности однородныхъ наблюденій. И какъ трудно бываетъ въ цѣлой кучѣ литературы путешествій отыскивать то, въ чемъ натуралистъ, иногда для серьезнѣйшихъ цѣлей изслѣдованія, имѣетъ надобность по настоящему требованію минуты, а ему приходится для того копаться въ обыденныхъ мелочахъ дорожнаго дневника или морскаго журнала, въ извѣстіяхъ о погодѣ, въ краснорѣчивыхъ разсказахъ о томъ, съ какимъ самоотверженіемъ бѣдный путешественникъ переносилъ холодъ и голодъ, какъ онъ изнемогалъ въ тоскѣ среди опасностей и какъ послѣ горя и бѣды опять настало довольство, отрада, бодрость

духа и т. д. Подобныя состоянія, какъ бы ни были сами по себѣ истинны и свойственны человѣку и какъ бы сильно ни вызывали этими качествами сочувствіе читателя, все-же въ развязкѣ сами себѣ произносятъ приговоръ, когда видишь напр., и очень часто, что для чудеснаго превращенія горя въ радость и для возстановленія упавшаго мужества, путешественнику стоило только поддержать въ себѣ основаніе всей силы человѣка — согрѣть желудокъ чашкой чая!

Судя строго, изъ извѣстій этого рода имѣютъ нѣкоторую цѣну только тѣ, которыя могутъ служить будущему путешественнику предостереженіемъ отъ неудачъ, или могутъ ему пайдтись въ случаѣ постигшей неудачи. Такъ напр. не бесполезно путешественнику напередъ узнать, что Палласъ ¹⁾ не былъ допущенъ къ нужнымъ для него картамъ, потому что не имѣлъ на то прямаго Высочайшаго разрѣшенія, какъ и сомной случилось; что изъ Петербурга надо привозить съ собою особый указъ, которымъ бы путешественнику предоставлялось въ распоряженіе нѣсколько необходимыхъ для него въ глубинѣ Сибири козаковъ; что Врангель ²⁾, въ противоположность моему счастливому опыту, пошелъ въ Нижне-Колымскѣ мѣры, предписанныя въ пользу его путешествія правительствомъ, не только не исполненными, но и встрѣтилъ со стороны мѣстныхъ властей рѣшительныя препятствія; что у не о ³⁾ хронометры, отъ застывшаго масла, которыми были смазаны, равно и отъ неизбежной на пути, сильной тряски, сдѣлались негодны къ употребленію; а мои часы остановились отъ набившейся въ нихъ пыли оленьей шерсти; что ртуť, которую онъ хотѣлъ употребить за искусственный горизонтъ при опредѣленіи мѣстъ, отъ холода замерзла и сдѣлалась негодною по причинѣ кристалловъ, образовавшихся на ея поверхности, и что въ подобной неудачѣ пробовали употреблять горизонтъ сирона ⁴⁾; что резервуары ртути въ барометрахъ, работы нашихъ академическихъ мастерскихъ, отъ сырости размякли и, какъ у Пахтусова ⁵⁾, такъ и у меня, отпали; что производство барометрическихъ наблюденій часто прекращается по недостатку запасныхъ трубокъ и что Фремонъ ⁶⁾ въ такихъ случаяхъ обходился прозрачнымъ пороховымъ рожкомъ; что у Врангеля ⁷⁾ порохъ въ рожкѣ отсырѣлъ, а его рукописи подвергались опасности сгорѣть, какъ сто лѣтъ назадъ погибли во время пожара въ Якутскѣ бумаги и собранія Гмелина и т. д. Легко понять, сколько важныхъ предостереженій извлечь для себя путешественникъ изъ извѣстій о такихъ опытахъ своихъ предшественниковъ.

Сознавая необходимость выкинуть изъ дневника весь балластъ, а полезныя замѣтки, напротивъ, собрать и расположить такъ, чтобы изъ нихъ составились особые, однородныя по содержанию отдѣленія, я невольно ушелъ, въ составленіи плана своего изданія, гораздо дальше, чѣмъ полагалъ прежде, пока не началъ откладывать окончанія своего сочиненія.

¹⁾ Reise durch versch. Provinz. des Russ. Reichs, II. р. 448.

²⁾ Путешествіе по Сибири, I. стр. 272, 274.

³⁾ Тамъ-же, стр. 308, 309.

⁴⁾ Загоскинъ, Пѣвеходная опись 1847. I. стр. 6.

⁵⁾ Записки Гидрографическаго Департамента, 1842. I. стр. 72.

⁶⁾ Froberg, Fortschritte der Geogr. u. Naturwiss. 1847. J. 46, р. 3.

⁷⁾ Путешествіе по Сибири, II. стр. 118; стр. 63.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно странно, что путешественники пользуются почему-то привилегіей пускать въ свѣтъ свои сочиненія прямо съ поленныхъ замѣтокъ, веденныхъ на дорогѣ. Отъ нихъ вовсе не требуютъ съ такою строгостію, какъ отъ другихъ писателей, вниманія къ литературѣ ихъ предшественниковъ. Никто не спрашиваетъ, не сообщаетъ ли иной изъ нихъ за новостъ о такихъ состояніяхъ посѣщенныхъ имъ странъ, которыя, простираясь на многіе другіе края, уже давно и не разъ были описаны удовлетворительно? Съ какимъ многорѣчіемъ толкуетъ напр. иной путешественникъ о томъ, что приобрѣлъ онъ для этнографической характеристики отъ того или другаго Самоѣда, и — находитъ себѣ одобреніе! На-сколько могутъ быть оправданы такіа повторенія, здѣсь не кетати распространяться; но я, съ своей стороны, по разнымъ причинамъ почелъ за обязанность обратиться къ существующей литературѣ Сибири. потому что этотъ край нынѣ, со времени моего отъѣзда отсюда, вступилъ на путь необычайно быстрого развитія. Съ каждымъ годомъ являются новыя отборныя силы, готовые посвятить юношескую свѣжесть своихъ стремленій службѣ на востокъ, слышавъ до тѣхъ поръ столь неподимымъ. Но перепоясавъ туда съ своего запада, эти люди съ изумленіемъ видятъ себя въ такихъ неогдданно-новыхъ обстоятельствахъ, что само правительство считаетъ своею существенною потребностью сочиненіе, которое въ совокупности изображало бы состоянія этого неизмѣримаго края сѣверной Азіи, называемаго нами Сибирью, и представляло бы въ надлежащемъ свѣтѣ и выгоды и неудобства, зависящія отъ необычайности его природы. Сколько разъ у меня навѣдывались, есть ли у насъ сочиненіе, въ которомъ можно бы найдти вѣрное обозрѣніе Сибири? И всякій разъ, за немѣнимъ такой книги, я долженъ былъ только присовокупить свой голосъ къ сожалѣніямъ другихъ. Литература Сибири и бѣдна, и устарѣла. Изслѣдованное и сообщенное такъ широко устроенными экспедиціями нашей Академіи, по изволенію великой Государыни, въ концѣ прошлаго столѣтія, до нынѣ составляетъ самое существенное основаніе нашихъ познаній о сѣверной Азіи. При всемъ томъ образованный западъ очень ошибается, разглашая, будто кромѣ иностранныхъ путешествій: важнаго труда Эрмана и несравненно менѣ важныхъ дневниковъ Ганстеена, Гилля и цѣлой вереницы путешественниковъ, посѣщавшихъ и описывавшихъ Камчатку преимущественно со стороны моря, и наконецъ кромѣ путешествія Врангеля, по всему свѣту цѣнимаго и исчерпываемаго во всѣхъ литературахъ, въ самой Россіи въ новѣйшее время почти ничего не написано о Сибири. Совсѣмъ напротивъ: и въ этомъ отношеніи, какъ въ другихъ, преимущественно со времени открытія богатыхъ Сибирскихъ приисковъ всемогущаго золота, даже текущая журнальная литература съ особенной любовью старается приумножать число очерковъ Сибирскаго края въ разныхъ отношеніяхъ, какъ это окажется въ приводимыхъ нами источникахъ. Но чѣмъ чаще въ этой массѣ статей немногія дѣльныя, истинно-оригинальныя и вѣрныя извѣстія затопляются недобросовѣстными передѣлками прежнихъ свѣдѣній, и чѣмъ чаще даже трудно бываетъ отдѣлять истину отъ беллетристическихъ приемовъ, посредствомъ которыхъ честная правда прежнихъ сказаній переначивается перѣдко до жалкаго искаженія; тѣмъ

настоятельно нуженъ для насъ критическій сводъ всего, что мы въ сущности знаемъ о Сибири.

При такихъ обстоятельствахъ, кстати ли было мнѣ издать только подневныя записки о своемъ путешествіи, которыя умножили бы и безъ того уже необозримое множество разнородныхъ отрывковъ новымъ и довольно обширнымъ отрывкомъ? Къ чему послужило бы такое изданіе, когда тотъ, кто со временемъ возьметъ на себя трудъ сокупить всѣ наличныя свѣдѣнія о Сибири въ одно цѣлое, конечно, самъ не меньше меня долженъ знать тотъ край изъ собственныхъ опытовъ? И не мнѣ ли слѣдовало взяться за дѣло, когда я чувствовалъ, что литература Сибири такъ коротко мнѣ знакома, какъ едва-ли нынѣ кому другому?

И вотъ я предпочелъ въ этомъ послѣднемъ томѣ, вмѣсто обыкновенныхъ путевыхъ записокъ, представить систематическій сводъ того, что мы знаемъ въ настоящее время о природѣ и людяхъ Сибирскаго края въ разныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ каждый отдѣлъ книги долженъ образоваться вокругъ ядра моихъ собственныхъ наблюденій, то отъ нея нельзя требовать ни равномерности въ обработкѣ разныхъ отдѣловъ, ни полного объема всей области естествознанія и этнографіи Сибири. Что состояло въ ближайшихъ отношеніяхъ къ цѣлямъ моего путешествія и къ интересамъ моихъ ученыхъ занятій, то, естественно, выступаетъ на первый планъ; что же не входило въ означенный кругъ, то я старался замѣтить ссылками на извѣстные мнѣ источники, сознавая, что касаюсь такихъ областей, въ которыхъ мое знаніе не можетъ имѣть надлежащей зрѣлости по нынѣшнему состоянію науки, когда она повелительно требуетъ, чтобы каждый сосредоточивалъ свои занятія на одномъ какомъ-либо спеціальномъ предметѣ.

Опасеніе быть на избранномъ мною пути несчастною жертвою полезнаго предпріятія не удерживаетъ меня отъ его выполненія, точно также, какъ весьма неблагонадежныя обстоятельства не удержали меня отъ попытки спуститься по Таймыру въ Ледовитое море. Стремленіе къ основательности, я надѣюсь, достаточно видно изъ моего сочиненія, такъ что мнѣ, даже въ нашъ неразборчивый вѣкъ, нельзя опасаться, что меня смѣняютъ съ людьми, которые на вопросъ: *à quoi es-tu bon?* готовы отвѣчать: *à tout! je n'ai rien étudié spécialement.* Баконъ очень мѣтко раздѣлилъ изслѣдователей на три разряда, сравнивая однихъ съ пауками, изъ себя самихъ выпраядывающими свои нити, другихъ — съ муравьями, все набирающими для себя со стороны, третьихъ — со пчелами, вбирающими въ себя медовую росу и перерабатывающими ее въ соты. Какъ это ни трудно, а я надѣюсь не принадлежать ни къ которому изъ этихъ разрядовъ исключительно, и всего менѣе думаю выпрадать сѣти гипотезъ, хотя знаю, что только тотъ можетъ надѣяться на уловъ, кто не боится труда закидывать сѣти.

Въ пользу моего начинанія я не могу сомнѣваться, сознавая, какъ полезно и нужно дать *точку опоры* и *поводъ* къ продолженію труда для множества наблюдательныхъ чиновниковъ, которые безпрестанно спуютъ по Сибири во всѣхъ направленіяхъ и въ долгія зимы имѣютъ довольно досуговъ для передачи того, что замѣтятъ на этихъ разлѣдахъ